

Иван Быкович

Жил-был царь, у его была служанка, и царь приказал служанке купить щуку. Эту щуку сварили, уху съели царь с царицей и служанка, а помой вынесли быку. Царица и служанка, и бык с ухи обрюхатели. Царица родила Ивана-царевича, служанка — Ивана Девича, бык — Ивана Быковича. Ростут эти ребята не по годам, по месечам, и выросли ребята двенадцать месечей, и стали ходить по царским конюшням выбирать по коню. Иван-царевич, Иван Девич выбрали, а Иван Быкович не может выбрать: к какому коню придёт, рукой тяпнет, конь с ног долой. Иван Быкович пришол в погреб, стоят два коня. Одного тяпнул, конь устоял: «Это по мне». Вывел коня и поехали все в чисто поле.

В чистом поле гуляли день. Прогуляли весь день до вечера, приехали ночевать к мосту. Иван Быкович говорит братьям: «Братья, построим здесь шатёр, будем ночевать». Построили шатёр. Иван Быкович говорит: «Давайте, братья, метать жеребей, кому не спать, караулить у моста». Бросили жеребей, досталось Ивану Девичу. Иван Девич сел караулить, а Иван Быкович и Иван-царевич пошли в шатёр, спать легли. В шатре Ивану Быковичу не спится. «Пойду, его досмотрю, каково он караулит». Пришол, а брат спит, как сильней порог шумит. Сел сам караулить Иван Быкович под мост. Едет по мосту проклятое Издолище о трёх головах. У проклятого конь подпинаитсе, на нос подтыкаитсе. «Што же ты, конь, подпинаишься, на нос подтыкаишься? Кого я боюсь? Есть на свете один, Иван Быкович, я того на одну долонь посажу, другой придавлю, у его одна пена выйдет». Иван Быкович выскочил из-под моста: «Чем ты, проклятое Издолище, похваляешься?» — «Я похваляюсь своей силой, заходи сюды на мост». Иван Быкович зашол, Издолище спрашивает: «Далёко-ле у тебя, Иван Быкович, дух несёт по мосту?» — «У меня до полумосту». — «А у меня три версты. Ну-ко дунь», — говорит Издолище. «Нет, я не дуну, у меня одна голова, да и та больна, ты дунь, у тебя три головы». Проклятое хочет дунуть, духи направлят, шею вытегат, Иван Быкович выхватил саблю из кормана и отмахнул все три головы У Издолища; эти головы и тулово с мосту свалил, прибрал, сам пошол в шатёр спать. Иван Девич приходит с караулу в шатёр, Иван Быкович спрашивает: «Каково, брат, ходил?» — «Тихо, тихо, брат, волосом не вянет, ничего я не слышал».

Утро стало, поехали они в поле гулять, весь день проехали, ночевать опять приехали к шатру, к мосту.

Опять бросили жеребей Иван-царевич и Иван Быкович, досталось караулить та ночь Ивану-царевичу. Иван-царевич пошел караулить, а два брата спать легли в шатре. Ивану Быковичу не спится. Пришел, а Иван-царевич спит, как сильней порог шумит. Иван Быкович сел караулить под мост. Едет по мосту проклятое Издолицо о шести головах; у проклятого Издолица конь подпинается, на нос подтыкается. «Што же ты, конь, подпинаешься на нос подтыкаешься? Кого я боюсь? Есь на свете Иван Быкович, я того на одну долонь посажу, другой придавлю, у его одна пена выйдет». Иван Быкович выскочил из-под моста. «Чем ты, проклятое Издолицо, похваляется?» — «Я похваляюсь своей силой, заходи сюда на мост». Иван Быкович зашел, Издолице спрашивает: «Далёко-ле у тебя, Иван Быкович, дух несёт по мосту?» — «У меня до полумоста». — «А у меня на шесть вёрст дух несёт. Ну-ко ты дунь». — «Нет, ты дунь, у тебя шесть голов, а у меня одна и та больна». Проклятое Издолицо хочет дунуть, духи направляют, шею вытегет, Иван Быкович выхватил в ту пору саблю и шесть голов срубил у Издолица, свалил в ту же кучу и спать пошел в шатёр. Утром спрашивает: «Каково же, брат, ты караулил?» Отвечает Иван-царевич: «Тихо, тихо, брат, волосом не вянет — ничего я не слышал». Наутро опять в поле поехали день гулять, приезжают к мосту третью ночь ночевать. Иван Быкович говорит: «Я пойду караулить, а в шатри не спите, картами играйте: если мой конь ногами землю бить будет, вы его спустите».

Пошел Иван Быкович караулить третью ночь, сел под мост, сидит караулит; идёт проклято Издолице об девети головах. У проклятого Издолица конь подпинается... и проч. ... «А ты, проклятое Издолице, чем ты похваляешься»... и проч. «Далеко-ле дух несёт?» — «До полумоста». — «А у меня за девять вёрст...» и проч. Иван Быкович в ту пору саблю выдернул, шесть голов свалил, а три головы не мог свалить, осталось у Издолица. Схватились они дратця. Дрались, дрались, Издолице Ивана Быковича и здавил под себя, смял. Конь Ивана Быковича ногами в землю бьёт, а братья спят, не слышат. Иван Быкович конается проклятому Издолицу: «Проклято Издолицо, дай мне розуть со правой ноги сапог, со белым-светом проститься». Издолицо дал, Иван Быкович снял сапог, бросил коню в повод и розорвал этот повод. Конь прибежал и срыл Издолица с Ивана Быковича. И выхватил Иван Быкович саблю, и срубил головы остальные, свалил эти головы и тулово в стару кучу. Пошел в шатёр к братьям, бранит своих братьев: «Што же это вы, братья, вам велено было спустить коня, подьте-ко

посмотрите, што у меня там поделано». Свёл и показал братьям восемнадцать голов и три тулова. Братья себя руками хлопают. «Откуль ты нарубил?» — «Топере, братья, надо ехать нам прочь от моста»,— говорит Иван Быкович.

Ехали, ехали, доехали до большого дому; стоит большой дом, со всеми кокорами, превеличающий, большой дом. Братья хотят заходить в дом обедать. Иван Быкович говорит; «Наперво я один захожу, послушаю, што в этом доме деится». Иван Быкович овернулса мушкой, залетел в дом, на потолок сел. Сидит на потолке, выслушиват. Жалитса малого Издолища жона. «Матушка, матушка, вор-от Иван убил твоего сына родимого, моего мужа любимого». Старуха Егабиха говорит: «Поди на дорогу, овернись им кроваткой тисовой и периной пуховой, лягут они на кроватку, их растреснёт, разорвёт на маленьки зернеца». Идет друга невеска, жалитса старухе Егабихе: «Матушка, матушка, вор-от Иван убил твоего сына родимого, моего мужа любимого». — «Поди овернись колодчём, ключевой водой и чарочкой золотой. Станут они эту воду пить, их разорвёт, растреснёт на мелки маковы зёрна». Идёт третья невеска. «Матушка, матушка, ворот Иван убил твоего сыша родимого, моего мужа любимого». — «Поди овернись на дорогу-ту кустиком раскитным и ягоды изюмны, будут они ись, их разорвёт, растреснёт на мелки маковы зёрнышка». Иван Быкович выслушал говорья, вылетел, овернулса, говорит братьям: «Поедемте, братья, от этого дому прочь, как можно нам надо отсюда убратса».

Поехали три брата, стоит на дороге кроватка тисова и перинка пухова. Эти братья желают легчи и говорят брату: «Иван Быкович, надо нам бы отдохнуть на кроватку с устатку». — «Нет, братья, вы не слезавайте с коней, я один соскочу, попробую ей». Братья сидят, он соскочил, тюкнул кроватку сабелькой, поперек пересек — баба легається поперёк. Братья испужались. Едут вперёд, стоит на дороге колодеч, ключева-вода и чарочка золота. «Нам бы надо напиться», — говорят братья. «Вы, братья, не слезайте, я один попробую». Опять соскочил с коня, колодеч тюкнул — баба поперёк перерубил — вьётсе. Поехали прочь. Ехали, ехали, стоит кустик раkitовой, ягоды изъюмовы. Иван Быкович соскочил с коня хватил кустик — баба поперёк легаитса. Говорит братьям: «Ну, братья, вы теперь за мной держитесь, будет за нами велика погоня». Гонили, гонили, гонили, соскочил Иван Быкович к земли, припал ухом к земли — звучит.

Наганиват их баба Ягабиха в ступы, подпирается пестом. На дороге стоит железна кузница, Иван Быкович поднел у жалезной кузницы угол, и заехали все с конями. Пригонила баба Ягабиха, говорит кузнецу: «Вор-кузнец, отдай Ивана Быковича, посади на язык — зглону». Кузнец и говорит: «Я посажу на язык, ты, Ягабиха, обскочи кругом эту кузницу, пролизни двери жалезны языком, посажу на язык». Егабиха обскочила кузницу, пролизнала двери, кузнец схватил ей за язык клещами, а Иван Быкович выскочил и зачал ей железными прутьями дуть. Дул-дул-дул, продул кожу и высовал прутья за кожу. Егабиха ему замолилась: «Иван Быкович, предь таковой не буду, ради Бога меня до смерти не застегай». Иван Быкович овернул Егабиху кобылой, сел и погонил. Гонял-гонял-гонял, кобыла спотела, упарил.

Едет встречу старик на кобыле. «Ну, давай, Иван Быкович, со мной правдатся? (кто кого обгонит)». — «Давай, только положим залог: если я оправдаю, дак ты ко мне в услуженье поди с кобылой, совсем, а как ты меня оправдашь, дак я тебе брата отдам с конём». Погонили правдатся. Старик Ивана Быковича оправдал. Вот Иван Быкович брата с конём старику отдал. Ивану Быковичу брата с конём стало жалко. Он здумал у старика брата воровать. Он как-небудь брата у старика украл, а коня не можот. Конь прикован на чепях; стал раскаивать, чепа забренчели, старик услышал, поймал Ивана Быковича. «А ты вор, Иван Быкович, ты брата украл и коня хошь укрась, я тебя виной не прощу. И тогды тебя виной прощу: ты сходи за тридеветь морей, за тридеветь земель по невесту себе, а братья у меня по ту пору будут».

Вот Иван Быкович пошел по невесту пешком, одинцо. Шол-шол-шол, выскочил Ерышко белой-балахон, лоб залощил, глаза вытарацил. «Здраствуёшь, Иван Быкович. Ну, примай меня в товарищы?» — «Ты на што горазд?» — «А я горазд в ложки через морё людей перевозить». Идут-идут-идут, выскочил Ерышко белой-балахон, лоб залощил, глаза вытарацил. «Здравствуёшь, Иван Быкович». — «Здрастуй, Ерышко». — «Примай меня в товарищи». — «А ты на што горазд?» — «А я горазд свататься». — «Мне таки люди надо». Пошли трое, шли-шли-шли, выскочил Ерышко белой-балахон, лоб залощил, глаза вытарацил. «Здравствуешь, Иван Быкович». — «Здрастуй, Ерышко». — «Примай меня в товарищи». — «А на што ты горазд?» — «А я горазд вино пить». — «Мне таких людей надо». Пошли. Шли-шли-шли, выскочила старушка, две ноги в одном лаптю, шавкает: «Ждраштвуёшь, Иван Быкович, примай меня товарищи?» — «А ты на што горазда?» — «А я горазда сходить по невестино платьё». Иван Выкович взял ей в товарищи. Шли-шли-шли, еще Ерышко выскочил. «Ты на што горазд?» —

«Я гораз из ступы пестом стрелётъ». Взял и его.

Пришли к мору, Иван Быкович закрычал: «Ну-ко, ты, Ерышко, можешь людей через море в ложке перевозить?» Прибежал Ерышко, из кормана ложку выхватил, на воду ляпнул, сделался караб. Сели и побежали за море. Через море перебежали, Иван Быкович посылает Ерышка того, который гораз свататься. Ерышка сватается, а царь говорит: «Я невесту отдам, если, сколь у меня есь вина, всё выпьете». Иван Быкович призвал Ерышка, которой может вино пить. Посадили Ерышка за стол и стали подавать рюмочками, да кумочками. Ерышко говорит: «Што вы носите мне кумками? Носите ведёрками». Стали ведёрками носить; он за ту шшоку ведро, за другу ведро, третьим попихнёт, мало уйдёт. У царя вина мало стало. Сватовщики всё в одну сторону сватаются. Царь говорит: «Если сколь у меня хлеба есь — съедите, тогда отдам». Садится Ерышко хлеб ись. Ему подносят ломотками, он говорит: «Што мне ломотками носите, мне ковригами». Стали носить ковригами; он ковригу за одну шшоку, другу за другу, третьей попихнёт, мало уйдет. У царя хлеба мало стало, приел весь. Сватовщики всё в одну сторону сватаются, царь говорит: «Если в три часа сходите за тридеветь земель, за тридеветь морей, по подвенечно платьё, тогда отдам невесту». — «Где ты, старушка?» — говорит Иван Быкович. Послали старуху; старуха побежала. Три часа подходит, старухи нет. Ерышко из ступы стрелил, старухе в саму жопу застрелил. «Фу-фу-фу, проспала, проспала». Скочила и побежала с платьём. Принесла платьё. Царю делать нечего, весёлым пирком и свадебкой, отдал дочь. Обручили, повенчали, Иван Быкович стал отправляться за море, в своё место. Пошли на караб. Побежали, перебежали море, стали на берег, Ерышко взял караб, ложкой в корман положил. Пошли, стали Ерышки оставатся, и все остались.

Пришли к старику. Нажог он яму уголья горечих, положил через яму жердь. Приказыват Ивану Быковичу через жердь перетти. «Ты шол с невестой дорогой, можот блуд сотворил; пройди через яму, тогда я тебя виной прощу». — «Нет, дедушко, ты сам попереди пойди, меня поучи». Старик через яму побежал, Иван Быкович жердь повернул, старик в яму в угольё и пал. Сожгли старика. Стал тут Иван Быкович жить да быть с братьями. Был у меня синь кафтан, я положил под кокору, не знаю под котору.

(А. А. Носов)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.

Смотрите также: сказку [Иван Быкович](#) из сборника сказок А. Н. Афанасьева